

VIII.

Скромный труженикъ на нивѣ Господней^{*)}.

(По случаю полугодовщины со дня кончины).

*„Отъ Господа стопы чловѣку
исправляются“.* (Псал. 36, 26).

Безвозвратно ушелъ отъ насъ незабвенный нашъ сподвижникъ іеросхимонахъ Николай; онъ не вернется уже къ земной жизни. Утрата невозвратима... Онъ лежитъ бездыханнымъ и безгласнымъ во гробѣ!.. Одинъ взглядъ на гробъ съ бранными остатками подобнаго намъ чловѣка, а особенно еще въ полномъ расцвѣтѣ силъ, поражаетъ и приводитъ насъ въ ужасъ и трепетъ. Невольно приходитъ мысль: „что сіе, еже о насъ бысть таинство?“.

Умъ силится познать, отчего нерѣдко жизнь чловѣка пресѣкается преждевременно? Чловѣкъ только что расцвѣтаетъ духовно и тѣлесно для служенія ближнимъ, а тутъ уже незамѣтно подкрадывается неумолимая смерть и беспощадно коситъ его жизнь. Неужели смерть имѣетъ такую самопроизвольную власть, что посѣкаетъ свои жертвы какъ-бы наугадъ, безъ разбора? Нѣтъ, она не имѣетъ такой власти, а исполняетъ только повелѣніе Того, кто живить и мертвить (2 Цар. 2, 6). Господь, какъ всемогущій, всеильный и всевѣдующій знаетъ, когда и какъ и кого изъ насъ потребовать въ вѣчность. Онъ, какъ любвеобильная мать, заботится о нашемъ спасеніи и сзрѣвшій колосъ собираетъ въ житницу Свою, дабы онъ не уялъ на землю и не былъ увнесенъ хищными птицами. Мы же, какъ люди еще привязанные къ землѣ, скорбимъ о преждевременной утратѣ. Вспомнимъ въ подобномъ случаѣ примѣръ св. пророка Царя Давида. Когда у него заболѣлъ новорожденный сынъ, то онъ въ великой печали проводилъ дни и ночи, лежа на землѣ, ничего не вкушая... На седьмой-же день сынъ его умираетъ. Давидъ не заплакалъ, а всталъ съ земли, умылся, помазался елеемъ, пошелъ въ домъ Господень и молился; возвратившись домой, подкрѣпился

^{*)} Слово, произнесенное 15 октября 1911 г. при погребеніи іеросхимонаха Николая въ Вѣлогорскомъ монастырѣ.

хлѣбомъ и водой. Всѣ удивились такому поступку и въ недоумѣніи спрашивали его: „когда дитя было живо, ты постился и плакалъ, а когда дитя умерло, ты всталъ и ѣлъ?“: Давидъ отвѣтилъ: „Зачѣмъ-же мнѣ теперь поститься? Развѣ я могу возвратить его? Я пойду къ нему, а оно не возвратится ко мнѣ“ (2 Царствъ, XII). Такъ и мы, братія, будемъ утѣшать себя тѣмъ, что настанетъ время и мы сами пойдѣмъ къ нему и насъ самихъ ждетъ та же участь смерти. Но вы, быть можетъ, удивитесь, какъ-же можетъ насъ утѣшить въ скорби по почившемъ надежда на собственную смерть? Что такое смерть, гробъ, могила? Смерть—это рожденіе человѣка къ новой, духовной, вѣчной жизни, а гробъ или могила—какъ бы колыбель ея... Какъ въ колыбель поворожденный входитъ не самъ, такъ и умершаго кладутъ въ гробъ, онъ входитъ въ него не самъ. Какъ у колыбели младенца родители его поютъ пѣсни о предстоящей ему многозаботливой жизни, такъ и мать наша св. Церковь предъ погребеніемъ поетъ умершему свои колыбельныя пѣсни о безпечальной, безболѣзненной вѣчной жизни духа, какъ ребенка кладутъ въ колыбель лишь на время, пока онъ окрѣпнетъ и не будетъ приготовленъ къ болѣе самостоятельной жизни, такъ и умершій полагается въ гробъ не на всегда, не на вѣки отдается тлѣнію темной, сырой могилы... „Настанетъ часъ, егда мертвіи услышатъ гласъ Сына Божія, и, услышавше, оживутъ“, оживутъ къ новой одухотворенной жизни. Никто не можетъ отвергать, что смерть есть неизбѣжный удѣлъ всего человѣчества. Да, умираемъ и оставляемъ все, что намъ было драгоцѣнно на землѣ. Плотскія удовольствія со смертію кончаются и все земное стяжаніе остается, оставляются друзья, которые насъ любили, тѣлесныя члены распадутся, чувствительное сердце перестанетъ биться, червь источитъ нашу тѣлесную красоту. Друзья наши при всемъ желаніи сдѣлать намъ многое изъ любви къ намъ развѣ только окажутъ услугу въ томъ, что опустятъ наше тѣло въ хладную могилу. Вотъ чѣмъ оканчивается человѣческая самомнительная, тщеславная жизнь! Богатый и бѣдный наравнѣ ложатся въ гробъ и отходятъ въ землю, изъ которой сотворены. Эту участь человѣчества никакая сила, никакая мудрость не можетъ отвратить. Свѣтъ Божественнаго Откровенія показываетъ намъ ту истину, что хотя смерть насъ разлучаетъ съ друзьями, которыхъ мы любили на землѣ, но для того, чтобы соединиться съ ними на небесахъ. Будетъ тотъ часъ, когда Всемогуцій гласъ Божій воздвигнетъ изъ гроба наши тѣла, чтобы они не подвергались болѣе тлѣнію; тогда забудутся всѣ скорби, отпустятся грѣхи, и наслѣдникъ вѣчной славы восхищенъ будетъ на облацѣхъ, чтобы встрѣтить Господа своего на воздухѣхъ и царствовать съ Нимъ вѣчно. При

этой мысли не возрадуется-ли сердце наше? Не воскликнемъ-ли мы съ про-рокомъ: да умретъ душа моя въ душахъ праведныхъ и буди сѣмя мое, якоже сѣмя ихъ“, (Числ. 23, 10). Но такое блаженное состояніе дается Богомъ за благочестивую и святую жизнь. Праведникъ не боится смерти, ибо убѣжденъ, что умретъ-ли, или останется въ живыхъ— всегда пребудетъ подъ кровомъ Господа, Который подкрѣпитъ его при смерти и приметъ въ свое небесное жилище. Смерть только для грѣшниковъ люта, ибо таковыя трепещутъ отъ воспоминаія всѣхъ своихъ грѣховъ, которые они суетно думали предать забвенію и тѣхъ мукъ, которыя ожидаютъ ихъ. Для праведника же смерть вождельнна: для него она—путь къ жизни, дверь къ небесамъ, стезя къ вѣчной радости. Смерть положитъ конецъ всѣмъ его страданіямъ, оправдаетъ его твердое упованіе на Бога и доставитъ ему неувядаемый вѣнецъ славы за его добрыя дѣла. Смерть не имѣетъ силы удалить христіанина отъ его Спасителя; какъ виновникъ его спасенія, Господь Іисусъ Христосъ съ торжествомъ воздвигнетъ его изъ гроба и воззоветъ къ Себѣ вмѣстѣ съ прочими праведниками: „пріидите благословенніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра (Мѡ. 25, 34). Праведникъ идетъ изъ сей временной жизни не со страхомъ и ужасомъ, а съ упованіемъ и миромъ, какъ-бы спѣ-шить, „яко елень на источники водные“. Пожалуй для людей міра сего будетъ это непонятно, но для тѣхъ, которые „грядущаго разы-скаютъ“, вполне ясно и ощутительно. На самомъ дѣлѣ, кто-бы изъ насъ не пожелалъ переселиться отсюда въ другой міръ, съ ненарушимымъ душев-нымъ спокойствіемъ, безъ страха и смущенія, съ надеждою и упованіемъ?.. Но для этого необходимо непрестанно помышлять о будущей жизни, постоянно приготовляться къ ней, дабы мысль и сердце витали на небѣ, готовясь итти туда, какъ въ страну знакомую, ожидаемую и вождельнную.

Тогда смерть для насъ будетъ ангеломъ мира; вѣчная жизнь съ ея блаженствомъ, которая только мерцала для очей нашего сердца, тогда пред-станетъ намъ лицомъ къ лицу въ тихомъ отрадномъ свѣтѣ; душа наша вострепещетъ мирною работою и, отрѣшась отъ узъ плоти, воспоетъ пѣснь Богу: „Нынѣ отпускаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему съ ми-ромъ: яко видѣста очи мои спасеніе Твое“ (Лук. 2, 29—30). Мы тогда будемъ вѣрить, что Творецъ и Податель жизни отзываетъ насъ въ вѣчность, хотя-бы повидимому и преждевременно, но для блага-же нашего, и можемъ сказать съ апостоломъ Павломъ: подвигомъ добрымъ подвизахся, теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ: прочее убо соблюдается

мнѣ вѣнецъ правды, его-же воздастъ ми Господь въ день онъ, праведный Судія“. (2 Тим., 4, 7—8). Истина этихъ словъ, подтверждаемая опытомъ многихъ, упражнявшихся въ духовныхъ подвигахъ смиренія, покаянія и памяти смертной, оправдалась и въ жизни незабвеннаго въ Бозѣ почившаго нашего братскаго духовника іеросхимонаха Николая, нынѣ лежащаго бездыханнымъ и безгласнымъ.

Покойный происходилъ изъ крестьянъ Вятской губерніи, Котельничскаго уѣзда, Киселевской волости, въ мірѣ Василій Моисеевичъ Тарасовъ, родился 22 марта 1872 года. Образование получилъ при домѣ родителей, гдѣ и жилъ до 23-хъ лѣтняго возраста, занимаясь вмѣстѣ съ ними хлѣбопашествомъ. Но сердце Василія не лежало къ мірской жизни, и онъ избѣгалъ обычныхъ крестьянскихъ увеселеній. Промыслъ Божій не замедлилъ привести его подъ кровъ тихой пристани—шоческой обители и, онъ въ 1895 году поступаетъ въ число насельниковъ нашей Бѣлогорской обители, въ которой и несъ разныя послушанія и между-прочимъ работалъ въ позолотно-чеканной мастерской подъ непосредственнымъ наблюденіемъ завѣдующаго ею черноризца Никиты, нынѣ Скитскаго Схимонаха Палладія.

Въ первый годъ моего поступления въ монастырь, мнѣ пришлось нѣсколько мѣсяцевъ жить рядомъ съ келліей почившаго, находившейся въ уединенномъ мѣстѣ, какъ-бы въ глубокой пустынѣ Аѳона. Жизнь насельниковъ этого укромнаго уголка, скрытаго оврагомъ горы, отличалась полнымъ уединеніемъ и абсолютной тишиной. Строго соблюдалось самоуглубленіе и изгонялись воиъ праздность и неумѣстные разговоры. Никакія новости мірскія или монастырскія не находили себѣ пріюта въ этомъ укромномъ монастырскомъ уголкѣ, а также ничего не выносилось и изъ него. Какъ говорится: уши были глухи для праздныхъ словъ и чутки къ слову Божию. Я всегда съ любовью вспоминаю эти дни перваго моего монастырскаго житія въ близкомъ общеніи и сосѣдствѣ съ почившимъ и буду вспоминать, какъ лучшіе дни моей жизни. Я еще съ этихъ поръ душевно полюбилъ почившаго и все время относился къ нему съ глубокимъ уваженіемъ, какъ вполне заслуживавшему этого уваженія. Онъ, будучи еще въ то время рясофорнымъ послушникомъ, отличался глубокимъ смиреніемъ, незлобіемъ, кротостію и непрекословнымъ послушаніемъ. Нерѣдко ему приходилось слышать отъ своихъ старшихъ быть можетъ иной разъ и не заслуженныя замѣчанія и выговоры, но онъ все переносилъ молчаливо, не испуская изъ устъ своихъ ни одного слова ропота. 4 декабря 1900 года Василій былъ принятъ въ число указныхъ послушниковъ и облеченъ въ рясофоръ, а 11 апрѣля 1902 г.

постриженъ въ монашество съ нареченіемъ новымъ именемъ „Антипы“. 24 іюня 1902 года въ день закладки соборнаго храма Преосвященнѣйшимъ Іоанномъ рукоположенъ въ санъ іеродіакона и въ томъ же году въ іеромонаха. Въ этомъ санѣ онъ несъ послушаніе народнаго духовника, ризничаго и затѣмъ братскаго духовника, каковое исполнялъ до конца своей земной жизни. За усердное служеніе 22 іюня 1905 г. былъ награжденъ набедренникомъ. Почти за все время своей жизни въ монастырѣ онъ не отличался хорошимъ здоровьемъ и часто прихварывалъ, но никто не ожидалъ у него такой близкой развязки съ жизнью и кажется ничто не предвѣщало такого близкаго конца. Дни же его были сочтены и въ Небесномъ совѣтѣ назначенъ часъ его исхода.

Въ первыхъ числахъ сего мѣсяца болѣзнь приковываетъ покойнаго къ одру и онъ слегъ. Воспаленіе легкихъ совершенно ослабило его организмъ, и такъ не выходящей изъ болѣзненнаго состоянія. За два дня до кончины онъ былъ особорованъ масломъ и приобщенъ Св. Христовыхъ Таинъ. Въ день смерти 13-го октября, когда монастырь справлялъ свой престольный праздникъ, о. Антипъ сдѣлалось хуже: онъ не спалъ всю ночь. Утромъ предъ литургіей надъ нимъ былъ мной совершенъ чинъ пострига въ великій ангельскій образъ св. схиму съ присвоеніемъ новаго имени „Николая“ въ честь Святителя Николая Мирликійскаго Чудотворца.

Этотъ чинъ онъ принялъ сознательно съ великимъ благоговѣніемъ и благодарности къ Богу за такое Его благодѣяніе къ нему. Въ концѣ литургіи онъ былъ приобщенъ св. Христовыхъ Таинъ и этимъ на вѣки соединился съ Господомъ Силь, Котораго возлюбилъ, а въ 3 часа пополудни тихо почилъ отъ болѣзненнаго своего земнаго житія блаженной кончиной праведника. Послѣ литургіи братія—его духовныя чада приходили прощаться съ нимъ и онъ всѣхъ благословлялъ въ полномъ сознаніи, которое потерялъ только за 3—5 минутъ до своего исхода.

Когда за 10 минутъ до кончины пришелъ къ больному о. Архимандритъ Варлаамъ, то больной попросилъ окружающихъ, чтобы его, больного, посадили, но онъ уже сидѣть не могъ, сказавъ: „помолись обо мнѣ, дорогой авва“, и легъ. Трогательна была картина, какъ къ больному приходили прощаться братія, и онъ съ удивительнымъ спокойствіемъ благословлялъ ее, какъ бы уѣзжая въ путешествіе.

Такъ угасъ незабвенный іеросхимонахъ Николай. Послѣ преставленія онъ былъ одѣтъ въ схимническія одежды и при пѣніи собравшейся братіи „Святый Боже“ перенесенъ въ церковь. Итакъ, давно-ли съ нами бесѣдоваль почившій? А нынѣ вотъ этотъ гробъ... и вашъ духовный отецъ во

гробъ... Вашъ духовникъ умеръ... Онъ перешелъ въ вѣчность, оставя васъ. Еще древніе евреи въ своихъ катакомбахъ писали: „такой-то отпущенный“. Вотъ и онъ теперь отпущень, свободень. Хотя тѣло его безпомощно, приковано къ гробовой доскѣ, но духъ его свободень,—онъ отпущень... Отпущень отъ бремени земныхъ заботъ и болѣзней, свободень отъ искушеній грѣха... Онъ скончался въ день престольнаго праздника, день свѣтлой радости замѣнивъ днемъ скорби. Пусть будетъ впредь этотъ день для васъ вдвойнѣ знаменателенъ, пусть на долгіе годы съ благоговѣйнымъ празднованіемъ въ честь чудотворной иконы Божіей Матери „Иверскія“ нераздѣльно соединится въ вашемъ сознаніи воспоминаніе о незабвенномъ духовномъ отцѣ и его нерушимыхъ для васъ завѣтахъ.

Ты-же, дорогой нашъ отецъ Николай,—теченіе свое совершилъ на землѣ, силою укрѣпившаго и обогатившаго тебя Христа, переплылъ житейское море многообразныхъ искушеній, бѣдъ и болѣзней, благодатию Его окрыляемъ, и обрѣлъ себѣ, милостию Божіею, ничѣмъ не возмущаемый покой.

Но что за сонмы окружаютъ тебя? Виждь, отче; се чада твоя придоша къ тебѣ, не кончину твою зрѣти, но отъ устъ твоихъ слышать утѣшеніе и ободрѣніе; а ты спишь, сомкнувъ очи и уста свои. Возстани и благослови ихъ! Увы, онъ бездыханень!

Отче, умолкли твои тихіе привѣтливые, кроткія слова, которыми встрѣчалъ ты своихъ духовныхъ чадъ, слова состраданія, ободренія и утѣшенія, съ которыми ты всѣхъ отпускалъ отъ себя.

Отче, отче! Пробудись и воини.

Твои духовныя чада жаждутъ твоего утѣшенія; впадшій въ искушеніе ждетъ отрады въ своей бѣдѣ и жаждетъ твоей молитвы.

Но нѣтъ, вѣрно ни мой голосъ, ни голосъ всѣхъ насъ не въ силахъ разбудить тебя. Послѣ усерднаго служенія на посту духовника, служенія многоскорбнаго и многоболѣзненнаго, ты возлежъ на долгій покой и крѣпкій сонъ твой продлится до голоса трубы архангельской!...

Вотъ, вотъ—дадимъ тебѣ послѣднее цѣлованіе... и закроется крышка твоего гроба... Онъ будетъ у раскрытой могилы, которая приметъ его въ свои нѣдра... Мы скажемъ тебѣ, дорогой нашъ сподвижникъ, послѣднее „прости“, причемъ воскликнемъ словами поэта: „Блаженъ, кто жизнию умѣлъ хоть разъ коснуться правды вѣчной, блаженъ, кто истину искалъ“.

Пришло видно время совершиться тому, что суждено въ Небесномъ Совѣтѣ.

Хотя предъ нами стоитъ твой прахъ, но духъ твой живъ; живо твое честное, чистое, любящее сердце, принимающее чужое горе какъ-бы свое собственное.

Успокойся-же, безкорыстный труженикъ до общаго пробужденія, послѣ котораго да подастъ тебѣ Всеблагій Мздовоздаятель вѣчное упокоеніе со всеми святыми. Ты намъ не чужой... Ты намъ близокъ, братъ и отецъ. Прими-же отъ насъ въ даръ наши братскія и сыновнія чувства къ тебѣ, выражающіяся въ единодушной и горячей молитвѣ къ Богу о упокоеніи твоей души тамъ, гдѣ вси праведницы упокояваются.

Твои духовныя чада къ твоей могилѣ проторятъ тропу, которая, надѣюсь, не заростетъ, и это посѣщеніе твоего надгробнаго могильнаго холма будетъ утѣшеніемъ для нихъ. Твой надмогильный крестъ громче словъ будетъ говорить проходящимъ, что здѣсь лежитъ скромный и безкорыстный труженикъ на нивѣ Господней, безропотно съ достоинствомъ донесшій свой тяжелый крестъ до своей безвременной, но блаженной кончины. Аминь.

ІХ.

„Изъ исторіи монастырей“^{*)}.

(Продолженіе).

Кромѣ начальницы, трехъ прибывшихъ съ нею монахинь, ко времени освященія храма было только 24 сестры. Это „малое стадо“ посвятившихъ себя Богу и обрѣкшихъ на все трудности новой иноческой жизни и было основою Общины, которая скоро заслужила уваженіе и сочувствіе окружающаго населенія и число сестеръ стало быстро возрастать, вмѣстѣ съ благоустройствомъ и процвѣтаніемъ Обители.

Щедростью братьевъ—строителей и посильными трудами сестеръ Обители былъ воздвигнутъ главный соборный каменный четырехъ-предѣльный храмъ. Главный предѣлъ во имя Успенія Божіей Матери былъ освященъ 8-го сентября 1879 г.; второй—во имя Усѣкновенія главы Іоанна Крестителя освященъ 25 мая 1880 года, третій—во имя св. Григорія Богослова и мученика Θεодора Тирона, освященъ 21 сентября 1880 года и четвер-

^{*)} Смотри „Голосъ Долга“, 1912 г., № 2.